

УДК 37.013.43

ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ТРАДИЦИОННОЙ ИГРУШКИ

А.Б. Теплова

Резюме. В статье рассматриваются педагогические основания процесса изготовления игрушки взрослым для ребенка; анализируется опыт традиционной народной педагогики в сфере игры и игрушки, организации игрового взаимодействия ребенка и игрушки, формировании особого развивающего пространства в со-бытийной общности ребенок-взрослый-игрушка.

Ключевые слова: игрушка, изготовление игрушки, со-бытийная общность, традиционная культура, педагогический процесс, игровое взаимодействие, ценности и смыслы культуры.

Игрушка приходит в мир ребенка от взрослого. На ранних этапах своего онтогенеза она рождается на глазах у ребенка. С развитием игрушечного производства этот важнейший процесс не только выпадает из поля зрения ребенка, но и становится независимым от воспитывающего взрослого. Образ современной игрушки рождается в мастерской художника, дизайнера игрушки и принадлежит только ему. Мы получаем готовый культурный текст, который был в нее заложен мастером, но лишены контекста, который сопровождал ее создание. Сегодня, когда традиция изготовления взрослым игрушки для ребёнка практически прервалась, необходимо раскрыть и понять заложенные в ней педагогические и антропологические смыслы.

В традиционной культуре игрушка рождается в пространстве детско-взрослой общности, которое, по мнению современных психологов, не может существовать вне языка, вне психологических орудий – медиаторов»[4]. Таким универсальным орудием является детская игрушка, способная принять на себя роль любого из созданных культурой медиаторов [1]. Она и *знак* – обозначение предмета или человека. Она и *символ* – обобщенный образ человека, Другого и одновременно Я. Она

способна вступать в *диалог* с ребенком, поскольку воспринимается им как живое существо и сама представляет *текст*, заложенный взрослым. Она и *миф*, с которым связана генетически.

Такую значимую образную игрушку делали ребенку только один раз. Сами крестьяне объясняют это не желанием потакать детям в их капризах, а так же побуждением самих детей к самостоятельному творчеству. «Сам может, дак я чо ему буду потакать: пушай сам делат... Я не поташница: ну подучишь, не боле что, каку куклу там, коня ли ...» [2].

В процессе изготовления игрушки взрослый раскрывает перед ребенком и технологию, и творческий процесс рождения образа, его одушевления, создания живой со-бытийной общности. Именно эта со-бытийность формирует творческий опыт ребенка, и не предполагает множественного повторения. Это не бытовой процесс изготовления предмета для игры, не рядовое обучение технологии, – это акт сотворения, со-зидания. Ребенок оказывается включенным зрителем этого действия. Поэтому сами дети часто вспоминают о том, как им делали первую игрушку. [7] Значимость этого события для ребенка отмечают и современные исследователи феномена игрушки [9, 5].

В экспедициях по сбору этнографических кукол нам удалось сделать записи процесса изготовления игрушки. Анализ этих записей показал, что во время создания куклы параллельно идут два процесса: собственно технологический и процесс «первичного одушевления». Уже на этапе создания тельца будущей куклы, когда ее телесность выражена лишь перекрещенными палочками, или свернутой тряпицей, мастер общается с куклой как с живым существом. Взрослый занят не столько созданием куклы, сколько установлением с ней особой связи. Несмотря на то, что перед ним всего лишь палка с шариком на конце, он ведет с куклой, которой ещё и нет, живой и эмоциональный разговор: «Дружечка моя, советненькая, согласненькая, повернись ко мне, ко мне личиком, ко мне беленьким. А мы с тобой побалакаем». [14] Приговаривая, он смотрит в «лицо» кукле внимательно, любовно, с искренним чувством. Этот процесс живого общения повторится ещё не раз. Он зафиксирован у многих мастеров.

Кукла как бы выводится из небытия, про-из-водится. Техника изготовления выступает как вид раскрытия потаенного. Скрученная материя, образуется в младенца, чье практически бесформенное тельце становится символом заботы и любви. Нити, соединяющие руки и тельце тряпичной куклы, технологически всегда образуют крест, маркирующий то место, в котором по представлениям русских крестьян находится душа. Об этом необычном свойстве технологии говорил Хайдеггер. «Сущность техники находится в области, где имеет место открывание и его непотаенность, где сбывается *alētheia*, истина». [12, с. 49-51].

Обыкновенно сразу же начинают именовать будущую куклу. Мастер подыскивает ей имя, которое может измениться к концу работы. В процессе изготовления куклы мастерицей Белозерских Валентиной Стефановной и ее помощницей Капустиной Екатериной Андреевной, длившемся более пяти часов, они постоянно примеряли кукле разные имена. « Кто Гашка или...? – Поля! – Поля! Поля. Ой. Нехай». Через несколько часов уже принаряженной кукле пробуют дать имя знаменитости: «Это – Софья ... София Ротару. О!» В ответ звучит чрезвычайно существенная реплика, предлагающая определить имя куклы, взгляды в нее: «Ну, гляди погляди». В конце концов куклу называют Анна: «Да. Аннушка. И песню ей пели – Аннушка. Я люблю Анна, нехай Анна буде. Старинная звание – Аннушка». [14]

Весь процесс именованья напоминает обряд «выкликания имени», который совершался над слабым, нежизнеспособным новорожденным. Повитуха, называет разные имена до тех пор, пока младенец не проявит каких-либо признаков жизни. Это становится свидетельством того, что ребенок принимает имя и готов войти с ним в жизнь. В ситуации изготовления игрушки совместный с ребенком поиск имени для куклы подключает его к акту творения, делает со-творцом, вводит в со-бытийную общность.

Совсем другой процесс идет во время одевания куклы. Для этнографической, традиционной народной куклы, существенным становится предельная точность в ее одежде. Костюм это текст, который

абсолютно ясен носителям культуры. Шитье одежды для куклы может длиться более суток и сопровождаться долгими спорами по поводам, абсолютно незначасим для человека, не владеющего знаковым языком традиционного костюма. Одежда выступает как способ фиксации социального пространства. Для современного ребенка часто именно этнографический костюм становится тем барьером, который не позволяет ему принять традиционную игрушку.

Показательно, что в процессе «одушевления» используются только позитивные слова, любовная, уменьшительно-ласкательная лексика. Куклу постоянно хвалят, жалеют, подчёркивают её красоту, ладность, наделяют её доброй судьбой и т.д. «Такое отношение, – по мнению В.Н. Топорова, – возможно лишь для человека, который сознает, что «вещный» уровень не исчерпывает суть вещи и что она включена и в иную сферу – духовного. «Человеческое» в вещи – в той ауре духовности и душевности, которыми человек добровольно и свободно делится с вещью, как бы умаляясь и снисходя к ней» [11].

Этот момент одушевления куклы практически невозможно зафиксировать вне процесса ее изготовления. В традиционной культуре внешнего проявления одушевленности куклы сознательно избегали. Кукла делалась безликой, нейтральной к ребёнку. Черты лица могли лишь обозначаться – перевязывались бечёвкой, украшались символической вышивкой и т.д. Однако внутреннее одушевление происходит на этапе создания куклы. Ребёнок, присутствующий при изготовлении игрушки, от начала и до конца наблюдает акт рождения живого образа, который он примет вместе с игрушкой. Этот образ, что особо важно, был создан его близким, родным и значимым взрослым внутри пространства со-бытийной общности. «Специфика духовной близости ребёнка и взрослого, по мнению В.И. Слободчикова, состоит в одухотворении взрослым жизненного мира ребёнка». [10].

Мы считаем, что изготовление первой образной значимой игрушки это осмысленный педагогический процесс, имеющий как практические цели и задачи, так и серьёзный духовный смысл. Любое педагогическое явление требует выявления совместной деятельности адекватной

ценностным и целевым ориентирам образовательного процесса, осуществляемой в конкретной общности, а также условий достижения целей и ценностей образовательного процесса и фиксации реальных способов создания и реализации выявленных условий.

В данном педагогическом процессе цель не в обучении практике изготовления игрушки. Стратегическая цель взрослого – раскрыть механизм взаимодействия с игрушкой в пространстве со-бытия, показать ее функции «медиатора», подготовить ребенка к новому этапу его развития – самостоятельной игре с игрушкой.

Это определяет следующие тактические задачи:

- дать ребенку опыт творческой деятельности в игре с игрушкой;
- дать образец игровых взаимоотношений;
- дать опыт эмоционально-ценностного отношения к окружающему миру.

А собственно обучение технологии изготовления оказывается лишь оперативной задачей. Взрослый в этой педагогической ситуации не может ограничиться только позицией Умельца. (Здесь кроется причина неудач в современной практике совместного изготовления традиционных игрушек). Задача Умельца передать технологию изготовления, сформировать практический навык, обеспечить возможность грамотного повторения технологического процесса. Под позицией Умельца мы подразумеваем те педагогические позиции – «родитель», «умелец», «учитель», «мудрец», которые были выведены В.И. Слободчиковым, Г.А. Цукерман, А.В. Шуваловым на основе антропологического принципа [10; 13].

Процесс одушевления предполагает совсем другие цели и задачи. Родитель «вытаскивает» ребенка в самостоятельную игру, предлагает ему новый предмет-заместитель взрослого. Создаваемая игрушка – это материализованный образ взрослого, воплощенная перспектива взросления, явленная телесность. Она – знак человека и, одновременно, его символ. И если знак ребенок просто принимает, то символическую функцию этого предмета – игрушки – ему еще предстоит раскрыть в совместной деятельности, в игре. И если ребенок не сможет «оживить» игрушку, то деятельность с ней останется лишь манипулированием.

Поэтому мастер, изготавливая игрушку на глазах у ребенка, выстраивает с ней почти человеческие отношения. Ребенок должен увидеть в игрушке не предмет, но символ, что позволит ему вывести дальнейшую игру с ней в поле человеческих измерений – по Леонтьеву – символов и знаков культуры. [6]

Итак, на этапе дошкольного детства в период так называемой комнатной (А.С.Макаренко) игры происходит встреча ребенка с образной игрушкой [8]. Это уже не малые формы кустарной игрушки, необходимые для формирования представлений ребенка о картине мира, не младенце-пеленашка, с которым дитя осваивает действия ухода, качания и заботы, но первая значимая образная игрушка – воплощение идеальной формы взрослости (по Выготскому) [3]. В традиционной культуре этой первой встрече придавалось большое значение. Ребенок должен быть готов к пониманию и раскрытию тех смыслов, которые взрослый вкладывает в игрушку. На этапе раннего детства этому способствовали разные средства:

- материнский фольклор, последовательно вводивший ребенка в сферу ценностей и смыслов народной культуры;
- система предметов заместителей, начиная с колыбели, и заканчивая игрушкой «пеленашкой»;
- система традиционных социальных норм, представленная в семье;
- пространственно-смысловая картина мира, которая уже начинает складываться в представлении ребенка.

Весь этот культурный багаж ребенок должен использовать на следующем этапе своей жизни в детском сообществе. Самостоятельная игра с игрушкой становится последней формой подготовки ребенка, своеобразным тренингом по освоению и применению воспитанных в семье нравственных норм.

Однако сама по себе игрушка, даже обладая всем своим воспитательным потенциалом, не может запустить механизм свободной игры. Для этого необходим взрослый. Мы определили педагогическую технологию формирования воспитательного пространства образной игрушки, выработанную в традиционной культуре. Она включает несколько модулей (рис. 1).

Рисунок 1. Технология формирования воспитательного пространства игрушки

Первый – собственно *изготовление* игрушки.

Рождение куклы из свертка или из глины, лошадки из полена, открывает перед ребенком тайну творчества, идею воплощения. Однако рожденное остается предметом, вещью, лишенной души и жизни. Поэтому следующим модулем становится одушевление игрушки.

Процесс *одушевления* осуществляется через установление живой связи мастера и его создания. В ситуации с игрушкой это происходит на вербальном уровне утверждением ее ладности, выявлением характера игрушки, предугадыванием и проговариванием ее будущей судьбы. Мастер постоянно обращается к игрушке как к живому существу, задает ей вопросы, угадывает ее ответы. Это ведет нас к следующему модулю – установлению отношений к игрушке.

Взрослый в процессе изготовления игрушки *задает отношение* ребенка к ней. Это отношение выстраивается через выявление характера будущей игрушки, ее возможной судьбы, особенностей поведения. Редко когда программируется плохой характер. Кукла (лошадка) обладает покладистым, добрым характером и готова стать настоящим другом ожидающему ее появления ребенку. Процесс изготовления всегда завершается фиксацией внимания ребенка на:

- характере игрушки: «Хорошая получилась, добрая!»;
- ее эстетической форме: «Красивая, ладная!»;

- прогнозе ее будущей деятельности: «Добрая будет хозяйка!» или «Веселая получилась девка - плясунья, хороводница».

Завершение процесса изготовления игрушки ведет к следующему модулю – *инициации игры*. Обычно игра начинается уже в процессе изготовления куклы. Обыгрываются чаще всего следующие этапы – пришивание волос, надевание элементов одежды. Может обыгрываться и характер куклы, особенно если он получается ярко выраженным. Например, кукла, которую делала мастер В.С.Белозерских в селе Больше-Быково Белгородской области, получилась толстая, дородная и мастер, обыгрывая ее дородность, разыграла целую сказку про лентяйку, в которой свободно действовала с куклой. В конце сказки лентяйка преобразается и становится хорошей хозяйкой. Таким образом, некий условный дефект характера куклы изживается в игре.

В процессе предъявления образной игрушки взрослый формирует пространство со-бытийной общности Взрослый – Ребенок – Игрушка. На этапе самостоятельной игры ребенка с образной игрушкой эта новая со-бытийная общность становится пространством развития ребенка. Взрослый сохраняет свое присутствие в ней на виртуальном уровне, как творец, мастер, создавший игрушку и наделивший ее определенными свойствами характера, судьбой. В игровой деятельности с игрушкой ребенок находится в пространстве важнейших человеческих ценностей – жизни, материнства, семьи, труда, созидания.

Литература

1. *Абраменкова, В.В.* Социальная психология детства: Учебное пособие [Текст] / В.В. Абраменкова. – М., ПЕР СЭ, 2008. – 431 с.
2. *Виноградов, Г.С.* Страна детей: избранные труды по этнографии детства [Текст] / Г.С. Виноградов. - СПб.: Историческое наследие, 1999.
3. *Выготский Л.С.*, Собрание сочинений: В 6-ти томах. Т. 4. Детская психология [Текст] / Л.С. Выготский. - М.: Педагогика, 1984. - 432 с.
4. *Зинченко В. П., Моргунов Е. Б.* Человек развивающийся. Очерки российской психологии. — Изд. 2-е, уточн. и дополн[Текст] /. — М.: Тривола, 1994. — 304 с.
5. *Костюхина, М.С.* Игрушка в детской литературе[Текст] /. – СПб.: Алетейя, 2007. – 208 с.
6. *Леонтьев, А.Н.* Образ мира [Текст] / // Вестник МГУ. Серия 14. 1979. №2. с.3-13

7. *Лукашевич, К.В.* Мое милое детство, Сибирская Благовонница [Текст] /К.В. Лукашевич. - 2009. - 208 с.
8. *Макаренко, А.С.* Собр. соч. в 4 т. Т. 4 [Текст] / А.С. Макаренко. - М.: Правда, 1987. – 480 с.
9. *Морозов, И.А.* Феномен куклы в традиционной и современной культуре (кросскультурное исследование идеологии антропоморфизма) [Текст] / И.А.Морозов. – М.: Индрик, 2011. – 352 с.
10. *Слободчиков, В.И.* Психология и педагогика безопасного образования / В.И. Слободчиков, А.В. Шувалов [Текст] // Слободчиков В.И. Очерки психологии образования. – Биробиджан: Изд-во БГПИ, 2005. – с.122-148.
11. *Топоров, В.Н.* Вещь в антропоцентрической перспективе [Текст] / В.Н. Топоров // Aequinox. М., 1993. - с. 70-94
12. Хайдеггер, М. Вопрос о технике [Текст] / М. Хайдеггер // Новая технократическая волна на Западе. - М., 1986. - С. 49—51.
13. *Цукерман, Г.А.* Мы, взрослые и другие люди [Текст] / Г.А. Цукерман, В.И. Слободчиков // Семья и школа. – 1989 - № 11; 12. 1990 - № 1; 2.
14. Личный архив экспедиционных материалов автора. Записи изготовления игрушки в Алексеевском и Красногвардейском районах Белгородской области селах Афанасьевка и Подсереднее. Мастера – Сапелкин Е.Т., Белозерских В.С., Капустина Е.А., 1991-95 гг.

Сведения об авторе

Теплова Анна Борисовна, старший научный сотрудник ФГНУ «Института психолого-педагогических проблем детства» РАО, г. Москва, Россия.

E-mail: abteplova@mail.ru